

2022

№ 4 (52)

Краснодарская региональная общественная организация
«ОБЩЕСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИННОВАЦИОННОГО
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ»

ЭКОНОМИКА
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ECONOMICS
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

REGIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

Заключение

Подводя итог представленного исследования можно заключить: исследование проблемы устойчивого производства сельскохозяйственной продукции вносит научный вклад в решение народнохозяйственной задачи по продовольственному обеспечению страны и в том числе по его экономической безопасности; методологической основой исследования послужило применение исторического, диалектико-системного и проблемно-ориентированного подходов, а также труды отечественных и зарубежных ученых по данной тематике; подбор показателей для обоснования суждения по устойчивости должны исходить из целей исследования, продолжительности временного ряда, взятого для анализа, и имеющихся статистических данных; в РФ с 2010 г. наблюдается устойчивый рост в производстве зерна, овощей и мяса, устойчивый рост производства молока начался с 2017 г., что объясняется особенностью производственного лага в отрасли; выявленные тенденции в производстве сельскохозяйственной продукции и современном уровне государственной поддержке сельского хозяйства готовы обеспечить продовольственную безопасность страны на уровне, прописанном в Доктрине продовольственной безопасности РФ.

Литература

1. Алтухов А.И. Пространственная организация зернового хозяйства // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*, 2022. – № 2. – С. 131-138.
2. Быковская Н.В. Анализ рынка продукции свиноводства с помощью конкурентных карт / Н.В. Быковская, Н.М. Иванова // *Экономика сельского хозяйства России*, 2014. – № 5. – С. 53-64.
3. Генералов И.Г. Проблемы обеспечения экономической эффективности зернового хозяйства региона / И.Г. Генералов, М.В. Полянский, С.А. Сулов, А.П. Мансуров. – Княгинино, 2022. – 228 с.
4. Калеев Н.В. Кластерные технологии как инструмент совершенствования работы молочно-продуктового подкомплекса региона / Н.В. Калеев, Н.Н. Кучин // *Вестник НГИЭИ*, 2020. – № 6. – С. 65-74.
5. Кирилов М.Н. Факторы, тормозящие инновационное развитие и пути ускорения трансфера инноваций в зерновое производство // *Экономика и предпринимательство*, 2020. – № 9. – С. 155-159.
6. Коршунов И.А. Вклад высококвалифицированных работников в развитие экономики регионов / И.А. Коршунов, Н.Н. Ширкова, Н.С. Завяева // *Экономика региона*, 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 873-887.
7. Основные направления развития интеграционных связей в мясном подкомплексе Нижегородской области // А.Г. Самodelкин, М.В. Грибков, О.В. Шамина, Л.Д. Капринова // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*, 2012. – № 5. – С. 61-63.
8. Полянская Н.А. Повышение экономической эффективности производства зерна на основе оптимизации использования ресурсов / Н.А. Полянская, М.В. Полянский, А.Е. Шамин. – Княгинино, 2013. – 128 с.
9. Производство сельскохозяйственной продукции: экономическая эффективность и существующие проблемы / В.П. Заикин, А.Д. Рейн, А.В. Мартынычев, А.Е. Шамин, В.Д. Козлов // *Вестник НГИЭИ*, 2022. – № 10. – С. 130-140.
10. Реалии и перспективы молочного скотоводства в России сегодня / М.В. Шуварин, Е.Е. Борисова, Д.В. Ганин, И.А. Леханов, Т.В. Суханова // *Вестник НГИЭИ*, 2021. – № 11. – С. 73-82.
11. Сидоренко О.В. Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств зернового подкомплекса Орловской области / О.В. Сидоренко, И.В. Ильина // *Вестник аграрной науки*, 2020. – № 2. – С. 122-131.
12. Смирнов Н.А. Кластерный подход к повышению экономического и ресурсного потенциала картофелеводства / Н.А. Смирнов, А.А. Смирнова, Н.Т. Савруков // *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 294-297.
13. Сулов С.А. Обеспечение устойчивого производства зерна / С.А. Сулов, А.Е. Шамин. – Княгинино, 2022. – 242 с.
14. Яни А.В. Организационно-экономический механизм управления воспроизводством // *Проблемы и перспективы аграрной науки России*, 2011. – С. 106-113.
15. An integrated approach to digitalization of rural areas as a condition for their sustainable development / A. Kasimov, N. Provalenova, D. Parmakli, W. Zaikin // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, 2021.
16. Cao C. Can Industrial Integration Improve the Sustainability of Grain Security? / C. Cao, X. Chen // *Sustainability*, 2021. – Т. 13.
17. Constructing a multi-production function for investment in agricultural organizations / A.D. Chermukhin, A.N. Igoshin, A.V. Fedotov, O.P. Ivanova // *Proceedings of International Scientific and Practical Conference "Russia 2020 – a new reality: economy and society"*. – P. 455-459.
18. Deng X. Improving eco-efficiency for the sustainable agricultural production: A case study in Shandong, China / X. Deng, J. Gibson // *Technological Forecasting and Social Change*, 2019. – Т. 144. – P. 394-400.
19. Digitalization as a key aspect of the development of social infrastructure in rural areas / L. Akifieva, M. Polyakov, N. Sutyagina, A. Mansurov, O. Shamina // *Advances in Digital Science. ICADS 2021: International Conference on Advances in Digital Science*. – Cham, 2021. – P. 81-90.
20. Semenova E.I. Synergetic approach to describing the cooperative system / E.I. Semenova, N.V. Bykovskaya, A.I. Afonin // *Cooperation and Sustainable Development. Conference proceedings*. – Cham, 2022. – P. 1089-1094.
21. Tilman D. Agricultural sustainability and intensive production practices // *Nature*, 2002. – Т. 418. – № 6898. – P. 671-677.

УДК 338.23

С.Н. Бобылев, А.А. Волосатова, Д.О. Скобелев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И НАИЛУЧШИЕ ДОСТУПНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИЙ

S.N. Bobylev, A.A. Volosatova, D.O. Skobelev

ENVIRONMENTAL SOCIAL GOVERNANCE AND BEST AVAILABLE TECHNIQUES: ASSESSING INVESTMENT EFFICIENCY

Ключевые слова: доступные технологии, ресурсная эффективность, социально-экологическая ответственность, корпоративное управление, инвестиции, зеленое финансирование, гринвошинг, зеленый камуфляж.

Keywords: available technologies, resource efficiency, social and environmental responsibility, corporate governance, investments, green financing, greenwashing, green camouflage.

Цель исследования: обосновать целесообразность использования концепции наилучших доступных технологий для оценки (1) ресурсной и социально-экологической эффективности (ESG) инвестиционных проектов, а также (2) открытой отчетности российских компаний. Результаты и обсуждение: в статье проанализированы особенности концепции социально-экологической ответственности бизнеса (ESG), прослежена эволюция понятия и дана оценка состоянию ESG-инвестирования.

Представлены тенденции развития рынков зеленых, социальных и «устойчивых» облигаций и займов. Проанализированы ESG-рейтинги; показано, что отсутствие единых подходов к сбору информации и критериев ее оценки приводит к тому, что рейтинговые агентства зачастую публикуют противоречивые и необоснованные ESG-рейтинги. Использование концепции наилучших доступных технологий (НДТ) и систематизированных в информационно-технических справочниках по НДТ отраслевых показателей экологической и ресурсной эффективности позволит повысить уровень обоснованности принятия решений об ESG-инвестировании и о мерах государственной поддержки приоритетных проектов развития экономики. Рассмотрены принципы и стандарты публичной нефинансовой отчетности (ПНО). Отмечено, что стандарт Global Reporting Initiative создает основу для разработки отчетов о достигнутых результатах, их динамике, а также о соответствии требованиям законодательства. Следование стандарту может ограничить распространение практики гринвошинга. Проанализированы примеры ПНО ведущих российских компаний. Сделан вывод о том, что для раскрытия значимой, полной, точной, сопоставимой и объективной информации российским промышленным компаниям рекомендовано следовать принципам Концепции развития публичной нефинансовой отчетности в Российской Федерации и соотносить достигнутые показатели с отраслевыми показателями наилучших доступных технологий.

Research purpose: to develop a rationale for applying the concept of Best Available Techniques for (1) assessing resource efficient investments complying with ESG (Environmental Social Governance) principles, as well as for (2) evaluating open reporting of Russian companies. Results and discussion: the paper analyses key features and evolution of the ESG (Environmental Social Governance) concept. Authors describe the international market of ESG investment instruments and consider tendencies of the development of green, social and sustainable bonds and loans. They analyze ESG ratings and show that, due to the lack of unified approaches to collecting and assessing information, rating agencies often publish contradictory and unfounded ESG ratings. Authors demonstrate that applying the concept of Best Available Techniques (BAT) and BAT-associated sectoral environmental and resource efficiency indicators systematized in BAT Reference Documents, allows justifying ESG-related investment decisions as well as decisions on rendering state support to the priority projects aimed at the national economy development. Authors consider principles and standards of open reporting and emphasize that following recommendations of Global Reporting Initiative standards, organizations can develop and disseminate data on results achieved, their dynamics, as well as on the compliance with regulatory requirements. Such approach will help to put a restraint upon greenwashing activities. Authors analyze examples of open reports published by leading Russian companies. They point out that in order to open significant, concise, precise, equitable and objective information, Russian industrial companies should follow principles set by the Concept for the development of public (open) reporting in the Russian Federation and present a comparison of results achieved and sectoral BAT-associated resource and environmental efficiency indicators.

Электронный адрес: training@eipc.center

Введение

Аббревиатура ESG – Environmental Social Governance – стремительно ворвалась на первые полосы самых разных изданий и стала едва ли не доминирующей при обсуждении приоритетов развития реального сектора экономики России. Перевод ESG на русский язык используется редко, а потому, к сожалению, изначальный смысл термина «скрадывается», уходит на второй план, пропуская вперед вторичные аспекты. При этом социально-экологическая ответственность (корпоративного) управления – понятие, которое можно и нужно дешифровать, используя объективные критерии для оценки степени уровня «экологичности» и «социальности» компаний, производств и проектов. В Российской Федерации основой нового подхода к оценке ресурсной, экологической и социальной эффективности корпоративных или государственных инвестиций должна стать и уже становится концепция наилучших доступных технологий (НДТ). На наш взгляд, ESG можно рассматривать как форму реализации дофинансовой оценки инвестиционных проектов с учетом требований НДТ и принципов учета экосистемных услуг («функций природных экологических систем, которые могут быть непосредственно полезны для человека» [12,18,19]). Сейчас в этой области в нашей стране научных исследований практически нет, в то время как актуальность их в теоретическом плане и с точки зрения синтеза различных инструментов в подходах НДТ, учета экосистемных услуг и социально-экологической оценки эффективности инвестиций вполне очевидна. Об этом, в частности, свидетельствует поручение Президента Российской Федерации от 03.02.2022 г.: «Рассмотреть вопрос об определении критериев отнесения инвестиционных проектов к числу проектов, отвечающих требованиям концепции экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG), а также о предоставлении мер государственной поддержки участникам таких проектов» [9]. Цель данной статьи состоит в обосновании целесообразности использования концепции наилучших доступных технологий для оценки ресурсной и социально-экологической эффективности (ESG) инвестиционных проектов, а также открытой отчетности российских компаний.

Методы

При выполнении исследования использованы методы анализа и синтеза, характерные для прикладных работ в сфере экономики устойчивого развития. Сочетание этих методов позволяет обеспечить комплексный подход к сложному объекту исследования – инвестиционным проектам в области устойчивого развития. Главный постулат, положенный в основу выполнения исследования, состоит в необходимости формирования системы объективных критериев, которые могли бы быть использованы как для дофинансовой оценки инвестиционных проектов, так и для анализа публичной нефинансовой отчетности. Информационную базу исследования составили материалы аналитических отчетов российских и зарубежных компаний, обзоры рейтинговых агентств, международные и национальные стандарты, публичная нефинансовая отчетность российских компаний.

Результаты и обсуждение

В порядке достижения поставленной цели исследования рассмотрим более детально возникновение и развитие концепции социально-экологической ответственности бизнеса и прежде всего подходов ESG-инвестирования, которые целесообразно связать с инвестированием, направленным на достижение требований наилучших доступных технологий. В течение долгого времени крупные компании различных стран (в том числе международные) следовали принципам социально ответственного инвестирования (Socially Responsible Investing, SRI) главным образом из-за стремления компенсировать негативные внешние эффекты (экстерналии) [6]. В 1990 г. социально ответственное инвестирование было институционализировано путем создания особого индекса – MSCI KLD 400 Social Index [28]. Число организаций, собирающих и анализирующих данные компаний по ESG-критериям, неуклонно растет; в настоящее время известно более ста таких организаций. Отметим, что инвестиции, соответствующие принципам устойчивого развития, в контексте ESG определяются как «инвестиционные подходы, учитывающие экологические, социальные и управленческие

(ESG) факторы при выборе портфеля и управлении им» [23]. Основные бенефициары информации о выполнении ESG-критериев – инвесторы. Компании, разрабатывая и реализуя программы в области социально-экологической ответственности, решают две задачи: (1) в краткосрочном периоде – улучшение репутации и связанное с этим повышение инвестиционной привлекательности и (2) в долгосрочном периоде – обеспечение устойчивости развития – внедрение ресурсоэффективных и экологичных технологий и совершенствование корпоративной стратегии, что способствует меньшей зависимости от внешних факторов, в том числе экологических [36]. На главный вопрос инвесторов о финансовой целесообразности инвестиций в компании, соответствующие ESG-критериям, и в инструменты устойчивого (в том числе зеленого) развития, пытались ответить многие исследователи. Экономисты Г. Фриде, Т. Буш и А. Бассен в статье «ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies» [21] проанализировали результаты более 3700 исследований и пришли к выводу о том, что на большинстве рынков относительно большинства активов наблюдается положительная связь между финансовыми показателями компании и ESG-параметрами, то есть более успешные с точки зрения бухгалтерского стандарта CFP (Certified financial planner) компании интегрируют ESG-повестку в стратегию развития. «На многих рынках существуют возможности для повышения показателей ESG-инвестирования. В частности, мы обнаружили, что это справедливо для Северной Америки, развивающихся рынков и классов неакционерных активов» [15]. Многократно возросли масштабы торгов ESG-ориентированными бумагами, возросло число финансовых инструментов, учитывающих принципы социально-экологической ответственности, претерпели трансформацию механизмы установления и оценки ESG-критериев, однако об однозначных данных, которые бы свидетельствовали о большей доходности стратегии, ориентированной на ESG, по сравнению с другими стратегиями, говорить по-прежнему нельзя. В 2010-х гг. был опубликован международный стандарт ISO 26000:2010 «Guidance on Social Responsibility» («Руководство по социальной ответственности») и созданы специальные финансовые инструменты в области устойчивого развития, спектр которых неуклонно расширяется. На рис. 1 показана взаимосвязь основных принципов управления социально (и экологически) ответственной компанией [26]. Как видно, в контур социальной ответственности входят и экологические аспекты. И наоборот: само понятие «зеленые проекты» трактуется как проекты экологичные, направленные на интернализацию экологических экстерналий, снижение негативного воздействия на окружающую среду и (или) сохранение природных экосистем и восстановление нарушенных территорий. При этом подразумевается, что зеленые проекты сопровождаются положительными социальными эффектами. Соблюдение требований позиции S в аббревиатуре ESG можно рассматривать и с точки зрения сохранения, поддержания необходимых социуму (S) экосистемных услуг – обеспечивающих нас продовольствием, пресной водой, топливом (древесиной); регулирующих (включая регулирование климата, качества воздуха, воды); поддерживающих (включая фотосинтез, круговорот воды и биогенных элементов, почвообразование) и культурно-эстетических [12].

Рис. 1. Взаимосвязь принципов социально-экологической ответственности управления организацией (по [26])

Зеленые бонды (облигации) лидируют в ряду «устойчивых» финансовых инструментов по объему выпуска. Если связать объекты инвестиций и цели устойчивого развития (ЦУР) [31], то, прежде всего, это будут климатические проекты (ЦУР 13), проекты, направленные на обеспечение населения доступной и чистой энергии (ЦУР 7), проекты в сфере устойчивого развития городов и сообществ (ЦУР 11). На наш взгляд, не менее значимыми должны становиться проекты, направленные на повышение ресурсной эффективности производства и формирование экономики замкнутого цикла (ЦУР 12), а также на охрану и восстановление акваэкосистем и экосистем суши (ЦУР 14 и ЦУР 15). Эти цели имеют особую значимость в контексте учета значимости экосистемных услуг в контексте устойчивого развития. С 2014 г. стоимость выпущенных зеленых облигаций, как котируемых, так и не котируемых, выросла на 700 % и достигла в 2020 г. почти 300 млрд долл. США [2,14]. Поступления от зеленых облигаций, в основном, используются в трех секторах: энергетика, строительство зданий и транспорт; существенно меньшая доля приходится на проекты, направленные на переработку отходов, повышение эффективности использования водных ресурсов и охрану экосистем суши. Самыми большими эмитентами зеленых облигаций выступали финансовые и нефинансовые организации; в 2020-2021 гг. наблюдалась тенденция роста выпуска зеленых облигаций государством и банками развития. Социальные облигации впервые появились на рынке в 2014 г. С помощью этих ценных бумаг финансируются проекты с такими положительными социальными эффектами, как снижение бедности (ЦУР 1), сокращение дискриминации (ЦУР 5), повышение уровня здоровья и благосостояния в целом (ЦУР 3) [31]. В 2020-2021 гг. произошел резкий подъем предложения и спроса на рынке социальных облигаций, в том числе благодаря специализированным антиковидным бондам. Принцип работы социальной облигации структурно отличается от обычной: эмитент (чаще всего – государство) выплачивает премию держателям ценной бумаги в том случае, если в результате деятельности организаций, финансируемых эмитентом, достигаются целевые социальные показатели. Еще одним популярным инструментом (в 2020 г. – рост на 226 % к предыдущему году) стали смешанные облигации, предназначенные

для финансирования проектов в области устойчивого развития (симбиоз зеленых и социальных облигаций), содействующих достижению ЦУР. В 2020 г. Группа Всемирного банка сообщила, что она направила 23,2 млрд долл. США от смешанных облигаций в области устойчивого развития для финансирования 100 новых проектов [14]. Кроме того, на рынке устойчивых инструментов исследователи выделяют зеленые займы и устойчивые займы в качестве альтернативы облигациям. Их доля на рынке пока незначительна. Тенденции развития рынка устойчивых финансовых инструментов свидетельствует об их чрезвычайной востребованности. Можно предположить, что, по крайней мере, в краткосрочной перспективе рынок зеленых, социальных и устойчивых ценных бумаг продолжит расти.

Мировые инвестиционные организации также заявляют об использовании принципов ESG для принятия решений об инвестициях. Например, в 2020 г. один из основателей крупнейшей инвестиционной компании BlackRock заявил о том, что ESG-принципы станут основным критерием для инвестиционных стратегий компании: «Поскольку мы считаем, что климатические риски являются инвестиционными, портфельные менеджеры BlackRock стремятся понять, как они могут использовать экологические, социальные и управленческие данные (ESG) для выявления новых рисков и возможностей, а также для создания более устойчивых и более эффективных портфелей» [2,14]. Для расчета индексов устойчивости компаний BlackRock использует собственную аналитическую систему. О «своих» системах говорят многие аналитики. Здесь основной вопрос состоит в том, что именно оценивается – открытость данных, их обилие или действительные достижения в повышении ресурсной эффективности, снижении негативного воздействия на окружающую среду и климатическую систему [36]. Так или иначе, крупные институциональные инвесторы своей политикой, ориентированной на ESG, способствуют изменению стратегий огромного числа компаний. Именно они запускают цепь ESG-инициатив, которые направлены, прежде всего, на удовлетворение потребностей именно институциональных инвесторов. Чем больше институциональных банков и других крупных инвесторов будут заявлять о приверженности ESG-критериям, тем большему числу компаний придется изменять свою политику, чтобы соответствовать запросам инвесторов и не оказаться в числе аутсайдеров на рынке. В 1997 г. был обнародован стандарт GRI (Global Reporting Initiative) – Глобальная инициатива по отчетности; требования основного стандарта и отраслевых руководств (приложений) регулярно обновляются [22]. Рекомендации GRI – это основа для подготовки открытой нефинансовой отчетности компаний об устойчивом развитии. Особенность документов GRI состоит в том, что в них четко определена обязательность включения в отчеты показателей экологической и ресурсной эффективности, характеризующих: (1) потребление материальных ресурсов (сырья и материалов) и долю вторичных ресурсов; (2) потребление энергии и меры, направленные на повышение энергоэффективности; (3) потребление воды, долю и общий объем многократно и повторно используемой воды; (4) выбросы и сбросы основных загрязняющих веществ; (5) выбросы парниковых газов [1,22]. К сожалению, во многих случаях компании предпочитают публиковать отчеты, формально соответствующие рекомендациям GRI: данные раскрываются, но в таком виде, что ни сравнить их со средними по отрасли показателями или сведениями, присутствующими в отчетах конкурентов, ни сопоставить их с установленными требованиями, например, изложенными в применимых информационно-технологических справочниках по наилучшим доступным технологиям, невозможно [1,11]. Инвесторам и управляющим активами остается полагаться на мнение рейтинговых агентств, которые по «своим методикам» оценивают, а затем публикуют сведения о соответствии компаний ESG-критериям. Главная проблема в институциональном механизме большого числа рейтинговых агентств и рейтингов соответственно заключается в том, что до сих пор нет ни единого стандарта по сбору и обработке данных по ESG, ни согласованной методологии работы с информацией. В противном случае вряд ли бы множились число ESG-рейтингов и ESG-агентств. Рейтинговые агентства конкурируют друг с другом, предоставляя «уникальные» сведения; примечательно то, что уровень корреляции основных рейтингов весьма низок [13]. Некоторые рейтинги основаны исключительно на нефинансовой информации, в то время как другие объединяют финансовые и нефинансовые данные для оценки долгосрочной стоимости и устойчивости компаний. Среди самых известных поставщиков на рынке ESG-информации – финансовая компания MSCI (MSCI ESG Indexes); международная инвестиционная компания RobecoSam (Dow Jones Sustainability Index family); дочерняя компания Лондонской фондовой биржи, работающая с индексами FTSE Russel (FTSE Russel Sustainable Investment); рейтинговое агентство Vigeo Eiris; агентство ISS-oekom; информационно-аналитическое агентство Refinitiv; специализированная компания, оценивающая устойчивость организаций, – SustainAlalytics; информационное агентство Bloomberg. Как правило, компании, оценивающие ESG-показатели, используют не только один агрегированный ESG-индекс, но и другие индексы устойчивого развития; например, индекс MSCI включает MSCI ESG Universal Indexes, MSCI Index Carbon Footprint, MSCI Low Carbon Indexes, MSCI ESG Leaders Indexes. Количество измеряемых критериев тоже может отличаться, например, у Thomson Reuters насчитывалось 186 параметров ESG-оценки, у MSCI – 34, у Bloomberg – свыше 120.

Проанализируем основные риски и вызовы, характерные для нынешней системы ESG-оценки. Крупные компании используют проведение ежегодного финансового аудита, однако практика ESG-аудита практически не распространена. Кроме того, для любого аудита необходимо сформировать систему критериев, а затем уже искать свидетельства их выполнения [25]. Такие критерии для промышленных предприятий целесообразно разрабатывать, используя отраслевые показатели наилучших доступных технологий. Однако сегодня компании еще не стремятся раскрыть соответствие НДТ, чтобы привести в отчетах «значимую, полную, точную, сопоставимую и объективную информацию», которая отражала бы основные принципы Концепции развития публичной нефинансовой отчетности в Российской Федерации [9]. Высокий уровень востребованности социально-экологической информации обуславливает возрастание риска манипулирования ESG-отчетностью. В научном обороте появился термин гринвошинг (greenwashing) или зеленый камуфляж – введение заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в заблуждение относительно реальных экологических показателей компании. К сожалению, публикуются даже издания, адресованные специалистам PR-служб и студентам, изучающим менеджмент и маркетинг, в которых значимая экологическая информация перемешана с поверхностными, ошибочными суждениями. Обсуждение подходов к повышению ресурсной и экологической эффективности производства и поиску критериев оценки этих параметров подменяется советами по проведению PR-акций и кампаний [3]. Исследователи Лондонской школы экономики выделяют три вида гринвошинга, касающихся раскрытия информации об ESG-критериях [38]. Первый относится к манипулированию отчетностью для повышения стоимости компании. Компании, следующие данной стратегии, могут скрывать, «маскировать» неудовлетворительные экологические показатели, компенсируя это большим объемом данных. Второй тип предполагает выборочное раскрытие информации: сокрытие негативной и публикацию позитивной или раскрытие разной по структуре и детализации информации для определенных групп инвесторов или заинтересованных сторон. Третий тип подразумевает акцент на ESG-аспектах конечного продукта, а не его производства и системы корпоративного управления в целом. Например, можно заявлять о выводе на рынок «экологически чистых» овощей, мяса,

сыра, не содержащих примесей генетически модифицированных продуктов (что на уровне обыденного сознания воспринимается хорошо: «экологически чистый» звучит как здоровый, без посторонних или вредных веществ). Не говоря уже о том, что в Российской Федерации в соответствии с положениями ГОСТ Р 51074-2003 «Продукты пищевые. Информация для потребителей» [4] термин «экологически чистый» использовать нельзя (да и понятия «environmentally / ecologically pure» нет и в английском языке), за словами об «эксклюзивности» такой продукции можно скрыть тот факт, что производство не отличается ни экологической, ни ресурсной эффективностью, и принципам социальной ответственности компания не следует. Выводы британских ученых таковы: главная причина распространения практики гринвошинга – это отсутствие надлежащего контроля (аудита) ESG-отчетности и показателей, раскрываемых в открытых отчетах [38]. Добавим: для оценки и, если необходимо, аудита ESG-отчетов необходима система качественных и количественных критериев, соблюдение которых можно было бы проверять и получать объективные свидетельства соответствия. Международный стандарт ISO 14030-3:2022 «Environmental performance evaluation. Green debt instruments – Part 3. Taxonomy» («Оценка экологической эффективности. Зеленые долговые инструменты – Часть 3. Таксономия») рекомендует для отраслей промышленности, регулируемых на основе наилучших доступных технологий в качестве критериев оценки зеленых проектов использовать показатели экологической и ресурсной эффективности, систематизированные в справочниках по НДТ [24]. Эти же показатели целесообразно использовать и для дофинансовой оценки инвестиционных проектов, претендующих на получение мер государственной поддержки, так как в реальном секторе экономики очень важно обеспечить не сиюминутный финансовый результат, а долгосрочную устойчивость и надежность производства, его высокую ресурсную эффективность. В энергетике и промышленности повышение ресурсной эффективности достигается за счет увеличения глубины переработки природных ресурсов; при этом обеспечивается и снижение негативного воздействия на окружающую среду, сокращение эмиссий загрязняющих веществ и парниковых газов [7,11].

В настоящее время в мире наблюдается стремительный рост портфелей с компаниями, придерживающимися ESG-практики. По данным альянса глобального устойчивого инвестирования (The Global Sustainable Investment Alliance, GSIA) к 2020 г. глобальные устойчивые инвестиции достигли 35,3 трлн долл. США на пяти основных рынках, продемонстрировав рост в 15 % за последние 2 года. Почти 36 % от всех активов портфелей под управлением составляли устойчивые ESG-активы. На США и Европу приходится около 80 % от всех глобальных устойчивых активов. В 2020 г. в мире насчитывалось почти 4000 фондов устойчивого развития, 552 ETF фонда (Exchange Traded Funds, то есть инвестиционных фондов, включающих акции нескольких десятков компаний), среди которых 208 декларируют приверженность таким целям устойчивого развития, как ЦУР 13: «Борьба с изменением климата», ЦУР 7: «Доступная и чистая энергия» [37]. Согласно позиции аналитиков Конференции ООН по торговле и развитию, устойчивое инвестирование может в ближайшем будущем столкнуться с тремя серьезными вызовами [37]. Несмотря на внушительные показатели роста устойчивых инвестиций, они все еще составляют небольшую долю общего рынка. Для глобальных системных изменений нельзя ограничиваться финансовыми инструментами, ориентированными на устойчивое развитие. Необходимо, чтобы все финансовые продукты соответствовали критериям социально-экологической ответственности, а инвестиции были реально (а не декларативно) направлены на достижение ЦУР. Вторым вызовом аналитики сочли географический дисбаланс – несоответствие темпов ESG-инвестирования в разных частях мира. Для развивающихся стран пока не характерен тренд устойчивого инвестирования в силу экономических причин. Должны быть разработаны программы по поддержке и интеграции устойчивого инвестирования в развивающихся странах. В противном случае решение глобальных экологических задач (в том числе, задач рачительного использования природных ресурсов) будет находиться под угрозой, так как значительная часть стран продолжит существенно отставать в ESG-инвестировании. Третья проблема – это несогласованность ESG с целями устойчивого развития или, по крайней мере, сложность прослеживания связей между концепциями. Из-за того, что международные, страновые и корпоративные стандарты не гармонизированы, рейтинги устойчивости нередко противоречат друг другу. Это обстоятельство позволяет предположить, что и рейтинги, и сами компании, занимающие в них престижные позиции, могут не соответствовать декларируемым принципам. Страховые компании могут сыграть свою роль в достижении устойчивого будущего. В настоящий момент незастрахованные убытки компаний, обусловленные климатическими изменениями (прежде всего, экстремальными погодными явлениями) превышают застрахованную часть. Это открывает возможности для разработки новых страховых продуктов, связанных с устойчивым развитием, для усиления устойчивости организаций, функционирующих в различных отраслях экономики. В 2021 г. семью крупнейшими страховыми компаниями был создан альянс «Net-Zero Insurance Alliance», который обозначил развитие страховой инфраструктуры для достижения целей Парижского соглашения по климату [27].

Банковский сектор, помимо расширения линейки устойчивых финансовых продуктов, показывает положительную динамику в распределении активов, соответствующих принципам социально-экологической ответственности. Распределение рисков и устойчивость к кризисам является финансовой причиной данной тенденции. Иницированные ООН «Принципы ответственного ведения банковского бизнеса» («Principles for Responsible Banking») и соглашение «Коллективная приверженность действиям по борьбе с изменением климата» («Collective Commitment to Climate Action»), подписанные многими крупными банками мира, а также создание банковского альянса «Net-Zero Banking Alliance» позволяют надеяться на усиление в той или иной форме тенденций (расширение линейки финансовых инструментов или распределения активов и т. д.), связанных с принципами ESG [17,30]. В последнее время фондовые биржи стали непосредственно влиять на распространение ESG-отчетности, обязуя компании раскрывать соответствующую информацию. Руководства, выпускаемые фондовыми биржами, ориентируются, прежде всего, на стандарты отчетности GRI и инструменты совета по стандартам устойчивого бухгалтерского учета (Sustainability Accounting Standards Board, SASB), а также на некоторые специфические инструменты отчетности, например, рекомендации Целевой группы совета по финансовой отчетности, связанной с изменением климата (Taskforce on Climate-Related Financial Disclosures, TCFD) и Совета по стандартам раскрытия информации о климатических аспектах бизнеса (Climate Disclosure Standards Board, CDSB) [16,32,34]. Можно выделить две причины внедрения и распространения ESG-принципов в компаниях разных секторов экономики. С одной стороны, это этический аспект – желание внести вклад и продемонстрировать приверженность нефинансовым принципам, ориентированным не только на интерес одной конкретной компании или сектора, а на интерес больших групп людей и человечества в целом. С другой стороны, – прагматичный расчет распределения рисков и ориентации на долгосрочную перспективу во избежание крупных кризисов в будущем. Оба аспекта представляются крайне важными, если мы говорим о достаточно крупных компаниях, у которых есть множество стейкхолдеров, заинтересованных, помимо хорошего имиджа, в

позитивных финансовых результатах. Согласно результатам опроса банка BNP, проведенного в 2021 г. среди крупных инвесторов, 59 % выбирают данную стратегию из-за положительного влияния на бренд и репутацию, 46 % отметили требования стейкхолдеров как причину следования стратегии, 45 % в качестве одной из причин выбрали улучшение долгосрочной доходности, 39 % снижение инвестиционных рисков и только 29 % указали, что раскрывают информацию, потому что есть такие требования [33]. Институциональные инвесторы имеют доступ к обширным данным различных классов активов, отраслей и компаний. Они имеют информацию в большом объеме для принятия инвестиционных решений, однако к раскрытию информации по ESG многие профессиональные инвесторы подходят скептически. Согласно результатам того же опроса банка BNP, тремя главными факторами, не позволяющими в большей степени использовать ESG-критерии при формировании своих портфелей, инвесторы назвали противоречивые данные по разным классам активов (54 %), невысокое качество и необоснованность ESG данных (51 %), а также противоречия между различными ESG-рейтингами (44 %) [33].

В последние годы значительно возросло число российских компаний, следующих целям устойчивого развития. В стране развивается собственная инфраструктура для внедрения ESG-принципов в практику крупнейших организаций: формируются специальные отделы в компаниях, отвечающие за устойчивое развитие, публикуются открытые отчеты, организуются многочисленные конференции по ESG и т. д. [1,2]. Только в четвертом квартале 2022 г. тематика ESG обсуждалась на Форуме РБК «ESG-Революция», IX Международном Арктическом правовом форуме, Всероссийской конференции по нефинансовой отчетности, Форуме «ESG-инновации в эпоху перемен», Хачатуровских чтениях в МГУ им. М.В. Ломоносова. Другим важным проявлением практического применения принципов социально-экологической ответственности является сдвиг приоритетов в пользу долгосрочного планирования. С учетом отраслевой специфики компании стремятся внести реальный вклад в устойчивое развитие, а также сформировать имидж, необходимый для привлечения инвестиций и квалифицированного персонала. Согласно отчету национального рейтингового агентства, сделанному совместно с аналитической платформой Infragreen, в 2020 г. в Российской Федерации насчитывалось 16 зеленых облигаций и 4 социальные облигации [7]. Начали действовать российские фонды ответственного инвестирования от «АО ВТБ Капитал Управление Активами», «Райффайзен Капитал» и торговля биржевыми паевыми инвестиционными фондами (БПИФ) «РСХБ – Индекс МосБиржи – РСПП Вектор устойчивого развития» и «Сбер – ответственные инвестиции». Также на конец 2020 г. в реестре стратегий ответственного инвестирования Infragreen было 7 стратегий 4 управляющих компаний («Альфа-Капитал», «Sberbank Private Banking», «Росбанк L'Hermitage Private Banking», «БКС»), а также одно сообщество инвесторов («Angry Bonds») [7]. Российский институт директоров опубликовал обзорное исследование практики внедрения принципов ESG в России [20]. В выборке было представлено 10 отраслей; 28 компаний относились к промышленному сектору, а 7 – к финансовому. Согласно результатам исследования, почти две трети крупнейших компаний внедрили системы экологического менеджмента (СЭМ) и только в 11 % компаний, для которых экологические риски существенны, инструменты СЭМ не используются. Однако только у четверти компаний есть численно определенные целевые показатели СЭМ; еще в половине организаций экологическая политика есть, но целевые показатели отсутствуют, а 61 % топ-компаний рассматривают климатические риски в своей ESG-политике и предпринимая шаги по реализации программ по сокращению выбросов парниковых газов; 57 % организаций имеют программы по сохранению биоразнообразия [20]. К сожалению, в обзорном исследовании нет упоминаний о внедрении компаниями промышленного сектора наилучших доступных технологий или о достижении показателей НДТ. При этом критики систем экологического менеджмента в течение многих лет пишут о необходимости использования объективных критериев для оценки амбициозности целей и задач СЭМ.

Рассмотрим практику некоторых компаний по соблюдению принципов социально-экологической ответственности бизнеса на примере данных, раскрываемых в публичной нефинансовой отчетности. АО Polymetal, один из лидеров по добыче драгоценных металлов с активами в России и Казахстане, в годовом отчете об устойчивом развитии приводит описание мер, направленных на повышение уровня социально-экологической ответственности, и соотносит их с ЦУР ООН [29]. Основная часть отчета структурирована следующим образом: (1) охрана труда и производственная безопасность; (2) местные сообщества; (3) изменение климата; (4) водные ресурсы; (5) обращение с отходами и выбросы загрязняющих веществ; (6) биоразнообразие и земельные ресурсы; (7) цепочка поставок. Составители отчета ссылаются на стандарты GRI [22], публикуют сведения о динамике ресурсной и экологической эффективности компании (рис. 2) и ставят конкретные цели в области экологической оценки, например: «К 2023 г. разработать систему оценки воздействия АО Polymetal на биоразнообразие», а также публикуют сведения о динамике ресурсной и экологической эффективности компании (рис. 2).

Рис. 2. Динамика выбранных показателей экологической и ресурсной эффективности АО Polymetal (по [29])

Отметим, что программы в сфере сохранения биоразнообразия включают восстановление нарушенных при разработке месторождений земель и воссоздание местообитаний редких видов; эти инициативы можно считать значимыми в контексте сохранения экосистемных услуг. Деятельность АО Polymetal нередко вызывает критику экологических организаций, что неудивительно, т.к. речь идет о добыче полезных ископаемых, однако в ходе общественного диалога, как правило, достигается консенсус [35]. Группа НЛМК, один из крупнейших международных производителей стали и стальной продукции, готовит подробные отчеты об устойчивом развитии [5], охватывающие следующие области: (1) охрана окружающей среды, (2) социальная ответственность, (3) изменение климата, (4) защита прав человека, (5) охрана труда и

промышленная безопасность, (6) корпоративное управление, (7) соответствие требованиям законодательства. На официальном сайте Группы НЛМК приведены, в частности, сведения о последовательном снижении выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и о росте использования в производстве вторичных железосодержащих ресурсов (рис. 3) [5].

Рис. 3. Динамика выбранных показателей экологической и ресурсной эффективности Группы НЛМК (по [5])

ПАО «Северсталь» – крупнейшая вертикально-интегрированная горно-металлургическая компания, выпускает ежегодные отчеты об устойчивом развитии с 2011 г. [10]. Составители отчетов ПАО «Северсталь» апеллируют к стандартам GRI [22], ISO 26000 [26], приводят количественные данные, характеризующие динамику многих существенных показателей, включая удельное потребление ресурсов, выбросы парниковых газов, соотношение площадей нарушенных и рекультивированных земель и др. (рис. 4).

Рис. 4. Динамика выбросов парниковых газов и углеродоемкости продукции ПАО «Северсталь» (по [10])

Отчеты свидетельствуют о том, что динамика ключевых социально-экономических показателей и эффективность соответствующих программ оцениваются при разработке новых целей и совершенствовании стратегии устойчивого развития. Помимо этого, отчеты об устойчивом развитии, подготовленные с учетом требований международных стандартов, способствуют интеграции компании в глобальную экономическую систему и открывают новые возможности для инвестиций. Однако сведений о достижении отраслевых показателей НДТ в проанализированных отчетах нет, хотя они не только могли бы быть, но и способствовали бы повышению уровня обоснованности и сопоставимости раскрываемой информации, в том числе информации об эффективности инвестиционных проектов [1,11]. Рекомендации по развитию дофинансовой оценки проектов и подготовки публичной нефинансовой отчетности с применением концепции наилучших доступных технологий обсуждаются в настоящее время не только в Российской Федерации, но и на дискуссионных площадках БРИКС и Евразийского экономического союза.

Заключение

Таким образом, в результате данного исследования показано, что концепцию наилучших доступных технологий и показатели ресурсной и экологической эффективности, систематизированные в информационно-технических справочниках по НДТ, целесообразно использовать для оценки ресурсной и социально-экологической эффективности инвестиционных проектов и ESG-отчетности компаний. Нефинансовая отчетность представляет собой важный инструмент и источник информации для исследователей, инвесторов, контрагентов, потребителей, который следует использовать в системе принятия решений, непосредственно связанных с ESG-финансированием. Для этого открытая отчетность должна стать обоснованной. Чтобы обеспечить раскрытие «значимой, полной, точной, сопоставимой и объективной информации», российским промышленным компаниям рекомендуется следовать принципам Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и соотносить достигнутые показатели с отраслевыми показателями наилучших доступных технологий [9]. Это позволит ограничить распространение практики гринвошинга, декларативных заявлений о приверженности целям устойчивого развития и выпуске «экологически чистой» продукции. Идентификация и верификация внешних выгод от внедрения НДТ (в том числе, улучшения состояния окружающей среды) позволит предприятиям и организациям обоснованно позиционировать себя в «пространстве ESG». Внешние экологические и социальные эффекты должны учитываться при определении критериев отнесения инвестиционных проектов к числу проектов, отвечающих требованиям концепции экологической, социальной и корпоративной ответственности (ESG), а также при предоставлении мер государственной поддержки участникам таких проектов, что и предусмотрено в поручении Президента Российской Федерации [8].

Литература

1. Бакурова Э.Ю., Молчанова Я.П. Открытая нефинансовая отчетность, наилучшие доступные технологии и экологическая результативность компаний // Вестник Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева: Гуманитарные и социально-экономические исследования. – 2021 – Т. 2. – № 1. – С. 103-105.

2. Бедняков А.С. Место России на рынке «зеленого» финансирования. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://roscongress.org/materials/mesto-rossii-na-rynke-zelenogo-finansirovaniya/>.
3. Герасимов В.Е. Экологический PR: от теории к практике. – М.: ИД «Городец», 2020. – 272 с.
4. ГОСТ Р 51074-2003. Продукты пищевые. Информация для потребителей.
5. Группа НЛМК. Ключевые экологические показатели. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nlmk.com/ru/sustainability/environment/key-environmental-indicators/>.
6. Гусева Т.В., Молчанова Я.П., Виниченко В.Н. Новые инициативы деловых кругов: отчетность в области устойчивого развития // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 6. – С. 51-62.
7. Зеленые финансы России. Годовой доклад – 2020. – М.: Научный центр Евразийской интеграции, 2021. – 63 с.
8. Перечень поручений по итогам встречи с членами Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» от 03.04.2022 г. – Пр. Пр-740, п. 1г). – [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/68298>.
9. Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 г. № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации».
10. Северсталь: Отчет об устойчивом развитии, 2020: – [Электронный ресурс]. – URL: https://severstal.com/upload/iblock/156/SR_Severstal_2020_RU.pdf.
11. Тихонова И.О., Щелчков К.А., Гусева Т.В. Особенности применения инструментов эколого-технологического регулирования на разных этапах жизненного цикла химических предприятий // Химическая промышленность сегодня, 2022. – № 4. – С. 18-27.
12. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 1. Услуги наземных экосистем / Ред.-сост. Е.Н. Букварёва, Д.Г. Замолодчиков. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2016. – 148 с.
13. Berg F., Koelbel J. F., Rigobon R. Aggregate confusion: The divergence of ESG ratings. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Rating). Forthcoming Review of Finance. – MIT Sloan School of Management, 2019. – 48 p.
14. Building more resilient portfolios. – URL: <https://www.blackrock.com/ch/individual/en/themes/sustainable-investing/esg-integration>.
15. Certified financial planner. The Standard of Excellence. – URL: <https://www.cfp.net/>.
16. Climate Disclosure Standards Board. Framework for Advancing and Aligning Disclosure of Environmental Information in Mainstream Reports for Reporting Environmental & Climate Change Information. – Montreal: IFRC, 2020. – 36 p.
17. Collective Commitment to Climate Action, 2019. – URL: <https://www.unepfi.org/wordpress/wp-content/uploads/2019/12/PRB-Collective-Commitment-to-Climate-Action.pdf>.
18. Costanza R. Ecosystem services: multiple classification systems are needed // Biological Conservation. – 2008. – No 141. – P. 350-352.
19. Costanza R., d'Arge R., de Groot R. et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital // Nature. – 1997. – Vol. 387. – P. 253-260.
20. ESG Aspects and Practices of Russian Public Companies. – Moscow, 2021. – 56 p.
21. Friede G., Busch T., Bassen A. ESG and Financial Performance: Aggregated Evidence from More than 2000 Empirical Studies // Journal of Sustainable Finance & Investment. – 2015. – V. 5:4. – P. 210-233.
22. Global Reporting Initiative. – URL: <https://www.globalreporting.org/how-to-use-the-gri-standards/gri-standards-english-language/>.
23. Global Sustainable Investment Review, 2020. – URL: <http://www.gsi-alliance.org/wp-content/uploads/2021/08/GSIR-20201.pdf>.
24. ISO 14030-3:2022. Environmental performance evaluation. Green debt instruments – Part 3. Taxonomy.
25. ISO 19011:2018. Guidelines for Auditing Management Systems.
26. ISO 26000:2010. Guidance on Social Responsibility.
27. Key Aspects of the Paris Agreement. – URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement>.
28. MSCI KLD 400 Social Index. – URL: <https://www.msci.com/our-solutions/indexes/kld-400-social-index>.
29. Polymetal International plc. Integrated Report, 2021. – URL: <https://www.polymetalinternational.com/ru/investors-and-media/corporate-disclosures/annual-reports/#year-reports>.
30. Principles for Responsible Banking Shaping our Future, 2018. – URL: https://www.unepfi.org/wordpress/wp-content/uploads/2018/11/Principles-for-Responsible-Banking_final.pdf.
31. Sustainable Development Goals. – URL: <https://sdgs.un.org/goals>.
32. Task Force on Climate-related Financial Disclosures Guidance on Metrics, Targets, and Transition Plans. – New-York: Bloomberg, 2021. – 79 p.
33. The ESG Global Survey 2021. – Paris: BNP Paribas, 2022. – 54 p.
34. The International Sustainability Standards Board. – URL: <https://www.sasb.org/standards/download/>.
35. The Polymetal Company and the Development of the Kutyn Deposit in the Khabarovsk Region. – URL: <https://wwf.ru/en/what-we-do/green-economy/razrabotka-mestorozhdeniya-kutynskoe-v-khabarovskom-krae/>.
36. Tikhonova I., Guseva T., Averochnik E., Shchelchikov K. Best Available Techniques and Best Environmental Management Practices: Collaboration between Industries and Regions // Procedia Environmental Science, Engineering and Management. – 2021. – V. 8. – № 2. – P. 495-505.
37. World Investment report 2021, UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2021_en.pdf.
38. Yu E.P., Van Luu B., Chen C.H. Greenwashing in environmental, social and governance disclosures // Research in International Business and Finance. – 2020. – V. 52. – P. 101-192.

УДК 336

В.А. Бондаренко, Д.Д. Костоглодов, З.А. Шарудина, С.А. Фомиченко
**ПРОГНОЗЫ И ТРЕНДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
 РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ**

V.A. Bondarenko, D.D. Kostoglodov, Z.A. SHarudina, S.A. Fomichenko
**FORECASTS AND TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
 OF THE ROSTOV REGION AT THE PRESENT STAGE OF REGIONAL DYNAMICS**

Ключевые слова: регион, экономическая сфера, динамика, тренды, региональная динамика, экономическое развитие, поставки, продукция.

Keywords: region, economic sphere, dynamics, trends, regional dynamics, economic development, supplies, products.

Цель: рассмотреть основные тренды социально-экономического развития Ростовской области на современном этапе региональной динамики. Обсуждение: в статье актуализируется вопрос исследования вопросов развития экономической сферы регионов в аспекте нацеленности на продовольственную безопасность страны и достижение технологического суверенитета. Рассмотрены основные показатели, характеризующие экономическое развитие Ростовской области и сделаны выводы о необходимости внесения ряда корректив для достижения поставленных целей и задач. Результаты: необходима